

Когда они дошли до мѣста, гдѣ говорится о грѣхѣ Адама и о томъ, какое наказаніе послѣдовало ему, Моисей вздохнулъ и произнесъ:

— О, Адамъ, зачѣмъ принесъ ты міру смерть!

Ааронъ прервалъ его:

— Къ чemu скорбѣть, мой братъ? Не ведеть-ли смерть къ блаженству вѣчному и неизѣяснимымъ радостямъ Эдема?

Тогда Моисей вдругъ спросилъ его:

— Какъ полагаешь,—сколько тебѣ еще осталось жить?

— Полагаю, лѣтъ двадцать?—отвѣтилъ Ааронъ, недоумѣвая, зачѣмъ это вдругъ его спрашиваютъ объ этомъ.

— О, гораздо меныше,—возразилъ съ грустью Моисей.

— Выть можетъ, пятнадцать,—уступилъ Ааронъ.

— И того меныше, братъ мой!

— Въ такомъ случаѣ, можетъ быть десять.

— О, еще меныше!..

— Пять?..

— Меныше...

— Ааронъ началъ догадываться объ ужасной тайнѣ, и душой его овладѣло предсмертное волненіе.

— Любезный братъ!—сказалъ Моисей,—если бы Богъ извѣстилъ тебя, что ты умрешь черезъ сто лѣтъ, что сказалъ бы ты?

— Я сказалъ бы, что Господь справедливъ.

— А если Онъ извѣстилъ бы тебя, что ты долженъ умереть сейчасъ же?..

И Моисей опустилъ глаза долу.

— Я сказалъ бы, — отвѣтилъ съ покорностью Ааронъ,—что Превѣчный справедливъ и желаетъ мнѣ того, что лучше для меня.

— Такъ слѣдуй за мною, братъ!

И Моисей повелъ за руку Аарона.

Они взошли на высокую гору, и на вершинѣ горы открылась передъ ними глубокая пещера.

Въ пещерѣ стоялъ гробъ.